

ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ И РАБЫНИ,
ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ И ПРЕДАННЫЕ,
СИЛЬНЫЕ И СЛОМЛЕННЫЕ —
ЖЕНЩИНЫ, ЧЬИ СУДЬБЫ
ВОСХИЩАЮТ

Властная и умная Екатерина Медичи и ее верный слуга, флорентийский астролог Козимо Руджери, плетут опасные интриги. На кону — право власти, за которое Медичи готова заплатить сколько угодно. Но идеальный план захвата короны оказывается под угрозой срыва — все из-за отчаянного дворянина Кричтона. Он посмел встать на пути у самой Екатерины Медичи. Теперь при дворе французского короля Генриха III его ждут поединки, интриги, заговоры, попытки отравлений, тайны, сражения, балы и, конечно же, любовь, которой никто не в силах препятствовать...

ISBN серии

ISBN 978-617-12-7950-6

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7927-8

Уильям
Эйнсворт

ЗАГОВОР
КОРОЛЕВЫ

Уильям
Эйнсворт

ЗАГОВОР
КОРОЛЕВЫ

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

УИЛЬЯМ ЭЙНСВОРТ

ЗАГОВОР КОРОЛЕВЫ

Роман

ХАРЬКОВ 2020 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Э34

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Н. Либермана*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

ISBN 978-617-12-7927-8
ISBN 978-617-12-7950-6 (серия)

- © Н. Либерман, перевод на русский язык, 2020
- © DepositPhotos.com / nickp37, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ЗАГОВОР КОРОЛЕВЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1 Студенты

Под вечер в среду, 4 февраля 1579 года, большая толпа студентов теснилась перед готической дверью старинного Наваррского коллежа. Толпа была так велика, что не только заполняла всю площадь перед этим знаменитым рассадником знаний, но и простиралась далеко за улицу Святого Иакова, на которой он находился. Подобной беспорядочной сходки не было со времени мятежа 1557 года, когда предшественники этих буйных студентов пошли гурьбой с оружием в руках в Пре-о-Клер¹, подожгли три дома по соседству и убили сержанта гвардии, безуспешно старавшегося их обуздать. Последние выборы ректора, мессира Адриана д'Амбуаза, ученого патера, как гласит его эпитафия, по случаю которых студенты собрались в монастыре Матюринов и оттуда шумной процессией отправились в церковь Святого Людовика на острове того же имени, были пустяками по сравнению с нынешними

¹ Пре-о-Клер — место в старом Париже на левом берегу Сены, у стен знаменитого монастыря Сен-Жермен-де-Пре. Любимое место прогулок парижан и дуэлянтов. Ныне от монастыря остался только собор. — *Здесь и далее примеч. пер.*

беспорядками. Каждый богословский улей прислал своих трутней: Сорбонна, Монтегю, Ключи, д'Аркур, коллеж Четырех Наций и множество меньших заведений в числе сорока двух доставили свои рои, так изрядно жужжавшие.

Накануне открылась Сен-Жерменская ярмарка, но она была неправдоподобно пуста, хотя ее веселье должно было продолжаться до Вербного воскресенья, поскольку она всегда служила местом сбора студентов, предававшихся во время карнавала всевозможным излишествам. Не было посетителей и в знаменитых кабаках: «Сосновой шишке», «Соколе», «Замке», «Магдалине и туфле». Игральные кости были забыты, и карты лежали без употребления в карманах безудержных школьных гуляк.

Но толпа состояла не только из буянов, игроков, хвастунов и пьяниц, хотя надо признаться, что они составляли большинство. Это было полное смешение всех сект и сословий. Иногда скромная наружность и бледное лицо трудолюбивого ученика соседствовали со свирепой физиономией и небрежной осанкой ближайшего соседа, очень походившего своим видом на итальянского джентльмена удачи. Важный богослов и будущий священнослужитель стояли рядом с беспутным, насмешливым товарищем, между тем как мнимый законовед, известный нарушитель законов, обнаруживался в кружке людей, все занятие которых заключалось как раз в том, чтобы преследовать обман и насилие.

Одежда людей, составлявших это сборище, была столь же разнообразна, как были различны их характеры. Не будучи подчинен никаким особенным постановлениям относительно своего внешнего вида или, вернее сказать, открыто нарушая те, которые предписывались, каждый студент, к какому бы он ни принадлежал коллежу, одевался сообразно своему вкусу и своим средствам, и в общем эта толпа не выделялась ни щегольством, ни опрятностью.

Шляпы, круглые и четырехугольные, капюшоны и плащи — черные, серые и других темных цветов — были пре-

обладающей одеждой студентов университета, однако и там и сям можно было увидеть более веселых представителей этого сословия. Их высокие шляпы с широкими полями и развевающимися перьями, оттопыренные рукава и чудовищные жабо с накрахмаленными складками таких размеров, что их довольно метко прозвали блюдами святого Иоанна Крестителя, — за сходство голов тех, которые их носили, с головой этого святого на блюде дочери Иродиады¹, — напоминали в гротескном виде моду изящного и блистательного двора Генриха III².

Эти наглецы довели свою страсть к подражанию до такого своевольства, что некоторые из них, только что возвратившиеся с Сен-Жерменской ярмарки, где они наугощались глинтвейном у наполнявших площадь маркитантов, носили вокруг шеи огромные бумажные воротники, выкроенные по образцу настоящего кисейного жабо, а в руках держали длинные пустотелые палки, с помощью которых перестреливались горохом и другими подходящими средствами, имитируя тем самым сарбакан, введенный в употребление монархом и его любимцами.

В таком фантастическом наряде эти забавные проказники, предпочитавшие смех благоразумию, имели дерзость встретить в тот же день, только несколькими часами ранее, на названной нами ярмарке королевский поезд криками: «По шее узнается теленок!» — такими громкими, что они достигли слуха короля, — шутка, за которую хулиганы дорого заплатили впоследствии. Несмотря на жалкую наружность отдельных личностей, общий вид учащейся молодежи был выразителен и живописен. Густые усы и острые бородки, украшавшие губы

¹ *Иродиада* — библейский персонаж, внука Ирода Великого, виновница смерти Иоанна Крестителя, казненного по ее просьбе.

² *Генрих III* (1551—1589) — король Франции с 1574 г., последний из династии Валуа. Погиб во время Религиозных войн будучи заколот монахом-фанатиком Жаком Клеманом.

и подбородки большинства, придавали лицам мужественное и решительное выражение, вполне соответствовавшее их смелым, свободным манерам.

Почти все имели при себе крепкие виноградные палки — короткое, с железным наконечником орудие, которым они превосходно владели и которое, благодаря их ловкости, наводило ужас на противников. Многие из студентов носили на поясе короткие шпаги, прославленные их поединками и ссорами, или же прятали в своих куртках кинжалы и ножи.

Студенты Парижа всегда являлись буйными и непокорными; во времена этого рассказа и даже гораздо ранее это была шайка ленивых, неутомонных молодых людей, собравшихся со всех концов Европы и из самых отдаленных провинций Франции. Между ними не существовало никакой связи, кроме товарищества, поддерживаемого их общей распущенностью. Отсюда и бесчисленные драки, почти всегда имевшие пагубные последствия, которые никак не могло искоренить руководство университета.

Студенты жили на свои скудные средства, увеличивая их по возможности милостыней и воровством, так как большинство молодых людей были изначально и заведомо нищими. Их кварталы служили убежищем, где они могли удобно скрываться, поэтому они не признавали иного закона, кроме постановлений университета, и, не стесняясь, пользовались любыми возможностями поживиться за счет своих соседей. Отсюда их частые схватки с монахами Сен-Жермен-де-Пре, монастырские владения которых граничили с их землей. Лужайки, принадлежавшие монахам, служили постоянным полем схваток; по словам Делюра, они были театром непрерывной суматохи, волокитства, поединков, битв, пьянства и разврата. Отсюда кровавые ссоры студентов с добропорядочными гражданами Парижа, которые ненавидели школяров и подчас с лихвой расплачивались с ними за их нападения.

В 1407 году двое студентов, уличенные в убийстве, были приговорены к виселице, и приговор привели в исполнение. Но так велико было смятение, произведенное в университете нарушением дарованных ему льгот, что префект Парижа Вильгельм Тьонвиль был вынужден издать указ о снятии тел с виселицы и позволении похоронить их с почетом и надлежащей церемонией. Это признание привилегий университета только ухудшило положение дел, и в продолжение многих лет беспорядки все возрастали.

В наш план не входит рассказ о всех буйствах университета и о мерах, принятых к их искоренению. Напрасно преследовала их светская власть, напрасно Ватикан раздражался грозными указами — ничто не помогало. Можно было скосить, но не искоренить дурную траву. Ссоры студентов передавались от поколения к поколению, и предмет их старинных препирательств с аббатом Сен-Жермен-де-Пре после тридцатилетней непрерывной борьбы был представлен на рассмотрение Папы, который совершенно справедливо отказался произнести решение в пользу той или другой стороны.

Таковы были студенты Парижа XVI века, таковы были свойства шумного сборища, осаждавшего двери Наваррского коллежа. Причиной, по которой собралась эта беспорядочная толпа, было, по-видимому, желание студентов присутствовать при публичных прениях или ученом диспуте, происходившем в большом зале коллежа, перед которым они теснились, и разочарование при виде закрытых дверей и отказе пропуска внутрь вызвало их теперешнее мятежное настроение.

Напрасно алебардчики, поставленные у дверей и силившиеся удержать своими пиками толпу, старавшуюся пробиться вперед, говорили, что зал и двор переполнены, что даже для доктора права не нашлось бы места, что они получили строгое и неукоснительное приказание не впускать никого званием ниже бакалавра или лиценциата и что *мартинисты* (студенты, не жившие в стенах

университета и не находившиеся на пансионе в коллеже) и такие новички, как они, не имеют никакого права быть впущенными.

Студенты отвечали, что это не простые прения, не обыкновенный диспут и что все имеют одинаковое право присутствовать. Что дело идет не о заурядном ученом, слава которого не простирается за пределы его деятельности и которого пожелали бы слышать очень немногие и еще меньшее число — поддерживать с ним диспут, а об иностранце высокого звания, пользующемся большим почетом и столь же замечательным своими познаниями, как и блестящими внешними качествами.

Напрасно старались опровергнуть их доводы тем, что на собрании присутствуют не только важнейшие представители университета, старейшие доктора богословия, медицины и права, профессора словесных наук, риторики и философии и множество других сановников, а также тем, что диспут удостоился внимания господина Жака де Ту, первого президента Парижского парламента; государственного секретаря и губернатора Парижа месье Рене де Вилькье; посланников Елизаветы Английской¹ и Филиппа II Испанского² и многих господ из их свиты; Пьера де Бурдейля, аббата Брантома³; господина Марка Мирона, первого медика Его Величества Генриха III; Козимо Руд-

¹ *Елизавета I* (1533—1603) — королева Англии с 1558 г. Ввела Реформаторскую церковь, успешно способствовала процветанию страны, превратившейся в морскую державу.

² *Филипп II* (1524—1598) — испанский король с 1558 г. Будучи ревностным католиком, вел непрерывные войны за торжество католической религии. Безуспешные сражения и кровавая внутренняя политика подорвали экономику Испании. Вошел в историю как мрачная, жестокая личность.

³ *Брантом Пьер де Бурдейль* (1540—1614) — французский историк и писатель, хронист придворной жизни Екатерины Медичи, участник многочисленных войн и заговоров.

жери, главного астролога Екатерины Медичи, королевы-матери; знаменитых поэтов и писателей Пьера де Ронсара и Филиппа Депорта; известного адвоката при парламенте Этьенна Паскье, а также — и это составляло самое важное возражение — двух главных фаворитов Его Величества, виконта Жуайеза¹ и барона д'Эпернона².

Напрасно прибавляли, что для поддержания строгой благопристойности ректор распорядился запереть двери. Студенты были сильны в спорах, и их аргументация очень скоро вразумила противников. Они вполне полагались на свою ловкость для одержания верха в подобных случаях.

— Долой ведущих диспут! Долой алебардщиков! Долой двери! — закричали разом сотни яростных голосов. — Долой самого ректора! Долой мессира Адриана д'Амбуаза! Не допускать студентов университета в их собственные залы?! Заискивать перед фаворитами двора?! Держать диспут при закрытых дверях?! Долой ректора! Мы издадим указ сейчас же провести новые выборы!

После этого в толпе пронесся сильный ропот, за которым последовали новый взрыв проклятий в адрес ректора и демонстрация дубинок в сопровождении града гороха, выпущенного из сарбаканов. Алебардщики побледили и охотно бы уступили, но дверь была заперта с внутренней стороны, жезлоносцы и сторожа, к ней приставленные, хотя и были перепуганы наружным шумом, однако категорически отказывались отворять.

Снова раздались угрозы студентов, снова обратились они к насилию, и горох застучал по лицам и рукам алебардщиков, едва сдерживающихся от гнева и боли.

¹ *Жуайез Анн де Батарне* (1561—1587) — французский дворянин, любимец Генриха III. Тот сделал его герцогом, пэром, адмиралом, губернатором Нормандии и женил на сестре королевы. Погиб в Битве при Кутра.

² *Д'Эпернон Жан-Луи де Ногаре* (1554—1642) — французский вельможа, любимец Генриха III, участник Религиозных войн, во время которых прославился своей храбростью.

— Что ты нам рассказываешь о фаворитах короля! — кричал из первого ряда студент, украшенный одним из тех бумажных воротников, о которых мы говорили. — Они могут приказывать в луврских покоях, но не в стенах университета. Ей-богу! Мы нисколько ими не дорожим! Мы смеемся над безобидным лаем этих откормленных дворцовых шавок! Что могут для нас значить эти попрыгунчики? Клянусь четырьмя евангелистами, мы не потеряем здесь ни одного из них. Советуем д'Эпернону, этому гасконскому недорослю, поразмыслить над участью Можирона, а нашему весельчаку Жуайезу — припомнить смерть этой собаки Сен-Мегрена!¹ Уступите место более достойным! Уступите место учащимся! Долой жабо и сарбаканы!

— Что значит для нас президент парламента или губернатор города?! — вопил другой. — Мы смеемся над их властью, мы признаем ее только в их судебных палатах. Ступив на нашу землю, они оставили всю свою власть по ту сторону ворот Святого Иакова. Мы не принадлежим ни к какой партии! Мы в политике придерживаемся строгой середины. Мы не более уважаем приверженцев Гиза, чем гугенотов; лигисты нам не дороже кальвинистов. Наш единственный господин — Григорий XIII², Папа Римский. Долой Гизов³ и беарнцев!⁴

¹ *Можирон, Сен-Мегрен* — французские дворяне, фавориты короля Генриха III, погибшие в результате придворных интриг.

² *Григорий XIII* (1502—1585) — Римский Папа с 1572 г. Активно поддерживал и вдохновлял борьбу католиков против протестантов; во Франции помогал Карлу IX и Гизам в их гонениях на гугенотов.

³ *Гизы* — герцоги Лотарингские, ярые сторонники католицизма, активные участники и организаторы Религиозных войн во Франции, некоторое время претендовавшие на французский престол.

⁴ *Беарн* — южная пограничная область Франции; главный город По. Здесь *беарнцами* названы сторонники Генриха IV, родившегося в Беарне и получившего прозвище Беарнец.

— Долой Генриха Наваррского¹, если вы этого желаете, — воскликнул студент д'Аркура, — или Генриха Валуа, если это вам более нравится, но — ради всех святых — только не Генриха Лотарингского, он надежная и крепкая опора истинной веры. Нет-нет! Да здравствуют Гизы! Да здравствует Священный союз!

— Долой Елизавету Английскую! — кричал студент из Ключи. — Что делает здесь ее представитель? Уж не ищет ли он ей мужа среди наших ученых? Плохая будет сделка, если она отдаст руку герцогу Анжуйскому².

— Если вы дорожите своим воротником из буйволовой кожи, то советую вам не отзываться непочтительно в моем присутствии о Елизавете Английской, — подымая с угрозой свою окованную палку, возразил англичанин из коллежа Четырех Наций, такой же заносчивый, как и его огромный бульдог, следовавший за ним по пятам.

— Долой Филиппа Испанского и его посланника! — кричал студент коллежа Бернардинцев.

— *Por los de mi dama!*³ — воскликнул принадлежавший к Нарбоннскому коллежу испанец с огромными закрученными усами на бронзовом дерзком лице, в низкой шляпе, гордо нахлобученной на лоб. — Так поступать нельзя! Представитель Его Величества дона Филиппа должен быть уважаем даже в среде парижских студентов. Кто из вас не согласен со мной? А?

¹ *Генрих IV* (1553—1610) — король Наваррский с 1572 г., король Франции с 1593 г. Будучи гугенотом, принимал участие в Религиозных войнах на стороне протестантов. Дважды из политических соображений менял веру на католическую. Именно ему принадлежит фраза: «Париж стоит мессы». В 1598 г. издал Нантский эдикт, уравнивающий права католиков и протестантов. Основатель династии Бурбонов.

² *Герцог Анжуйский, Эркюль-Франсуа де Валуа* (1554—1584) — французский принц, брат королей Франциска II, Карла IX и Генриха III.

³ Клянусь честью моей дамы! (*исп.*).

— В таком случае, что он делает тут со своей свитой? — возразил бернардинец. — Черт возьми! Этот диспут один из тех, которые нисколько не касаются интересов вашего короля, а мне кажется, что Филипп и его придворный интересуются только тем, из чего могут извлечь пользу. Я уверен, что присутствие вашего посланника в нашем университете имеет какой-то тайный повод.

— Вероятно, — отвечал испанец. — Мы поговорим об этом после.

— А что делает поставщик Сибариса¹ в пыльных залах науки? — завопил студент из коллежа Лемуан. — Чего ищет ревнивый убийца жены и ее еще не рожденных детей так близко от независимых речей и, быть может, верно направленных шпаг? Я думаю, для него было бы гораздо более разумнее оставаться в своем гареме, чем подвергать свою надушенную особу разным случайностям среди людей, чье прикосновение может оказаться поглубже того, к которому он привык.

— Хорошо сказано! — воскликнул школяр из Ключни. — Долой Рене Вилькье, долой этого презренного роносоца и убийцу, хоть он и губернатор Парижа!

— Какое право имеет господин аббат Брантом занимать место среди нас? — закричал студент д'Аркура. — Он, несомненно, славится умом, ученостью и любезностью, но какое нам до этого дело? Пусть придут другие, более достойные.

— Откуда тут Козимо Руджери? — возмущался бернардинец. — Что надеется унюхать этот старый торговец темными знаниями? Мы не занимаемся алхимией и астро-

¹ *Сибарис* — греческий город в Лукании, основанный ахейцами и трезенцами около 720 г. до н. э., могущественный и богатый торговый центр. В период расцвета к его области примыкали 25 городов. Богатство приучило жителей Сибариса к столь изнеженному образу жизни, что слово *сибарит* сделалось нарицательным обозначением человека, живущего в роскоши.

логией, не нарушаем законы, то есть не готовим приворотное зелье, не составляем медленные яды, не продаем ничьи восковые куклы. Поэтому я желаю знать: чем он тут занимается? Ректор неправ, допуская присутствие этого колдуна. Даже если бы он явился сюда со стражниками своей любовницы Екатерины Медичи, нас бы и это не испугало. Долой аббата-идолопоклонника! Мы слишком долго терпели все его мерзости. Вспомните Ла Моля¹, попавшего в его сети, и другие бесчисленные жертвы! Кто приготовил адское питье для Карла IX?² Пусть Руджери ответит за свои злодеяния. Позор вероломному колдуну! Виселица слишком хороша для него! Долой Руджери!

— Да! Долой проклятого астролога! — подтвердила вся толпа. — Он совершил за свою жизнь достаточно преступлений! Время воздаяния настало. Написал ли он собственный гороскоп? Предвидел ли он собственную судьбу?

— И поэты! — кричал другой студент коллежа Четырех Наций. — Прах их побери всех вместе взятых. Какого черта им здесь отираться? Что могут они найти занимательного в диспуте? Бесспорно, Пьер де Ронсар в качестве воспитанника этого учебного заведения имеет право на наше уважение. Но он стареет, и я удивляюсь, как он при своей подагре умудрился вынести такую длинную дорогу. Старый наемный писака! Его последние стихи хромают, как и он. Вдобавок он ударился в морализм и осуждает свои прежние хорошие произведения. Похоже, все дряхлые барды в старости отрезаются от того, в чем проболтались

¹ Жозеф Бонифас де Ла Моль (ок. 1526—1574) — французский дворянин, известный авантюрист времен царствования Карла IX, миньон герцога Франсуа Алансонского и вероятный любовник Маргариты Валуа. Был обвинен в «заговоре недовольных» и четвертован на Гревской площади.

² Карл IX (1550—1574) — король Франции с 1560 г. Его правление ознаменовано Религиозными войнами, он же в 1572 г. санкционировал Варфоломеевскую ночь.

в молодости. Клеман Маро принялся на склоне лет сочинять псалмы, что касается Бальфа, то имя его не переживает его балетов. Филипп Депорт обязан своей нынешней известностью виконту Жуайезу, однако он не совсем лишен достоинств. Пусть катится к черту со своей славой и не надоедает нам своим присутствием! Очистите место софистам коллежа Четырех Наций! К дьяволу поэзию!

— Вот еще! — воспротивился студент Сорбонны. — Что значат софисты Четырех Наций и Нарбонны по сравнению с сорбоннскими докторами канонического права, которые трактуют сентенции Петра Ломбардского так же проворно, как вы выпиваете бутылку глинтвейна или заглаживаете ломтик хлеба с икрой? Что ты на это скажешь, Капет? — обратился он к своему соседу в сером плаще с капюшоном. — Разве мы хуже нарбоннцев?

— Я не считаю, что их заслуги значительнее наших, — отвечал юноша в капюшоне, — хотя мы не восхваляем себя, подобно им. Мы, духовные потомки Робера де Сорбона, благодаря нашим наставникам весьма преуспели в искусстве диспута, и я не понимаю, по какой причине нас не впускают. Затронута честь нашего университета, и нам необходимо сплотиться, чтобы отстоять ее.

— Молодец, толково говоришь! — похвалил бернардинец. — Будет вечным пятном на репутации наших *alma mater*, если этот надменный шотландец так легко лишит их славы. Не понимаю, почему французы ее не защищают, хотя могли бы поубавить ему спеси? Эта борьба из разряда тех, которые касаются абсолютно всех, всей нации. Мы, по крайней мере, готовы в случае надобности выступить судьями в этом деле.

— Я как-то не задумывался о славе нашего университета, — вступил в разговор студент-шотландец, — но мне приятно, что мой соотечественник Кричтон так преуспел в науках. Крики и возмущения, по-моему, бесполезны. Стычки и драки ни до чего хорошего не доведут. Может, это даже мудро со стороны ректора проявить

благоразумие и запретить нам вход, хотя мне, конечно, жаль, что я не услышу диспут.

— Что ты там бормочешь, приятель?! — крикнул испанец. — Я не верю, что твой соотечественник снискал такие лавры, которые ему приписывают. Погоди еще, может, нам доведется приветствовать его при выходе громким свистом. Плохо, что нельзя протиснуться сквозь филенки этих проклятых дверей и увидеть сцену, — мы бы наверняка удостоверились, что притязания шотландца повержены, а аргументы обращены в прах. *Par la litania de los santos!*¹ Неизвестному ученику из жалкого Сент-Эндрюса иметь дерзость сравниться с докторами Сорбонны! Я уж не говорю о наших величайших университетах Валенсии и Саламанки! Мне понадобилось бы все бесстыдство твоих земляков, чтобы не провалиться сквозь землю при подобной мысли.

— Учебное заведение, к которому вы относитесь с презрением, — гордо парировал шотландец, — стало *alma mater* шотландских королей. Да, это так! И молодой Иаков Стюарт² получил образование под руководством тех же замечательных наставников и в то же время, как и наш благородный Кричтон, в адрес которого вы бросаете столь обидные фразы. Между тем ученость его столь же знаменита, как и его происхождение. Он давно прославился среди ученых — задолго до того, как изложил свои теории в стенах этого коллежа. Слушайте же! — призвал шотландец. — И вы убедитесь в его торжестве.

Словно в подтверждение этих слов внутри здания раздалась громкие продолжительные аплодисменты, заглушившие голоса студентов.

— Не исключено, что рукоплескания означают его поражение, — сквозь зубы проворчал испанец.

¹ Клянусь мессой всех святых! (*исп.*).

² *Яков (Иаков) I* (1566—1625) — сын Марии Стюарт, король Англии с 1603 г. Был нелюбим народом за свой деспотизм и враждебное отношение к парламенту.

— Нисколько, — возразил шотландец. — Я слышу, как сквозь них раздается имя Кричтона.

— Черт поberi! Да кто же этот феникс, этот Гаргантюа ума, предназначенный для нашего поголовного поражения, подобно тому как Панург у Рабле поразил Фому Английского? — спросил испанец. — Кто этот человек, превосходящий философией самого Пифагора?

— Любознательностью — Аверроэса!

— Мистицизмом — Плотина!

— Ясновидением — Феоклимена!

— Непогрешимостью — Папу Римского...

— ...который имеет притязания рассуждать о всевозможных ученых материях! — закричали разом несколько голосов.

— Из всего этого выйдет глупая шутка, — смеясь, добавили другие студенты.

— Вы оглушили меня своим ревом, — перебил шотландец. — Вы спрашиваете меня, кто такой Кричтон, и сами себе отвечаете. Вы сказали, что он — редкая птица, чудо ума и учености, и это правда. Он именно таков. Но я сообщу вам то, чего вы совсем не знаете или о чем нарочно умалчиваете. Он принадлежит к высшему дворянству Шотландии. Подобно испанским грандам, сеньор Идальго, он имеет право стоять в головном уборе в присутствии короля. Как со стороны отца, так и со стороны матери в его жилах течет благороднейшая кровь. Его мать из фамилии Стюартов и происходит по прямой линии от королей, а его отец, которому принадлежат великолепные владения Элиок и Ключи, состоял адвокатом нашей доброй королевы Марии¹ — да отпустит ей Небо ее прегрешения

¹ *Мария Стюарт* (1542—1587) — французская королева (жена Франциска II в 1559—1560 гг.), шотландская королева с 1561 г., претендовала также на английский престол. Была лишена трона в результате восстания знати; бежала в Англию, где подверглась заключению. За участие в ряде неудачных заговоров была казнена.

и примет под свою защиту! Он и теперь еще занимает эту высокую должность. Я думаю, здесь тоже слышаны о Кричтонах. Во всяком случае я, Гаспар Огильви де Бальфур, часто слышал о некоем контракте или обязательстве, в силу которого...

— Довольно! — резко прервал испанец. — Не занимай нас своей персоной, приятель! Говори о Кричтоне!

— Я уже сказал даже больше, чем хотел, — вспыхнул Огильви. — Если вы желаете иметь более подробные сведения о благоволении, которое Кричтону оказывают в Лувре, о его военных подвигах, о расположении, каким он пользуется у всех фрейлин королевы-матери Екатерины Медичи и особенно, — с насмешкой прибавил шотландец, — у ее прелестной дочери Маргариты Валуа¹, вам лучше обратиться к шуту короля, мэтру Шико². Вон он, кстати, недалеко от нас. Я думаю, не найдется никого другого, кто бы за такое короткое время получил столько милостей и приобрел такую блистательную репутацию.

— Гм... — проворчал англичанин, которого звали Симон Блунт. — Вы, шотландцы, повсюду стоите друг за друга горой. Этот Кричтон, может, и вправду славный герой, но я, если честно, не особенно верю похвалам, расточаемым ему своим же соотечественником. Я хочу лично удостовериться в справедливости ваших слов, де Бальфур.

— Верно то, что Кричтон заслужил известность ловкого фехтовальщика, — произнес бернардинец. — Тут, нужно отдать ему должное, он преуспел.

¹ *Маргарита Валуа* (1553—1615) — королева Наваррская и Французская, жена Генриха IV.

² *Шико* (наст. имя Антуан д'Англерез) (?—1592) — французский дворянин, гасконец, придворный шут королей Генриха III и Генриха IV. Ему было позволено вести себя при дворе как ему вздумается и говорить все что угодно своим государям. Шико прославился как отважный солдат и отчаянный дуэлянт. Активно участвовал в Варфоломеевской ночи на стороне католиков.

— Да, — кивнул Огильви. — Кричтон еще не встретил себе равного в фехтовании, хотя и скрещивал свою шпагу с первыми фехтовальщиками Франции.

— Я видел его в манеже, — добавил студент Сорбонны, — когда он упражнялся в верховой езде, и, будучи самым ловким ездоком, я нахожу его превосходным наездником.

— Нет никого среди вашей молодежи, кто сравнится бы с ним в верховой езде, — заговорил Огильви, — нет ни одного бойца, который бы с такой ловкостью снимал кольцо на бегу. Я был бы рад помолчать, но вы принуждаете меня расхваливать его.

— Матерь Божья! — закричал испанец, вынимая до половины из ножен шпагу, висевшую у него сбоку. — Держу пари на десять ноблей против такого же числа серебряных испанских реалов! С этим коротким толедским клинком я одолею вашего хваленного Кричтона в поединке на любом оружии по его выбору: на шпаге и кинжале или на одной только шпаге, раздетый до пояса или в полных доспехах. Клянусь Святой Троицей, он ответит мне за оскорбление, нанесенное им коллежу, к которому я принадлежу. Мне будет весьма приятно подрезать крылья этому гордому крикливому пастуху или первому встречному из его жалкой шайки, — прибавил испанец с жестом презрения по направлению к шотландцу.

— Если это все, чего вы добиваетесь, то вам не надо ходить далеко, — возразил Огильви. — Дождитесь только конца этого диспута, и да лишит меня святой Эндрю¹ своего покровительства, если я не переломаю ваш клинок своей широкой и крепкой шотландской шпагой и не докажу, что вы столько же подлы сердцем, как хвастливы и сварливы на язык.

— Черт возьми! — воскликнул испанец. — Твой шотландский святой не поможет тебе, так как ты навлек на се-

¹ *Святой Эндрю (Андрей)* — апостол, один из учеников Иоанна Крестителя, покровитель Шотландии.

бя мое негодование. Ступай читать молитвы, если желаешь; через час ты будешь добычей коршунов Пре-о-Клера!

— Поберегись сам, наглый хвастун, — отвечал с презрением Огильви. — Уверяю тебя, что потребуется защита посильнее твоей, чтобы спасти твою жизнь.

— Смелей, господин шотландец, — вмешался англичанин Блунт. — Ты прекрасно сделаешь, обрубив уши этому испанскому нахалу. Бьюсь об заклад, под его плащом бьется трусливое сердце, и ты прав, заставляя его выслушивать эти оскорбления. Кто бы ни был этот Кричтон, все же он твой соотечественник, а отчасти и мой.

— И как за своего соотечественника, я буду стоять за него против всех и каждого.

— Bravo, мой храбрый дон Диего Каравайя! — сказал студент Сорбонны, хлопая по плечу испанца и шепча ему на ухо: — Неужели все будут уступать этим негодным шотландцам? Ручаюсь, что нет. Мы станем действовать сообща против всей этой нищенской нации, а пока что эту частную ссору поручаем тебе. Постарайся справиться с ней, как должно одному из потомков Сида¹.

— Считай, что он уже мертвец, — отвечал испанец. — Жаль, что тот, другой, не стоит у него за спиной, чтобы одним ударом проколоть их обоих.

— Возвратимся к предмету вашей ссоры, — возразил студент Сорбонны. Довольный предстоящим поединком, он старался предупредить любую возможность примирения, пока еще удавалось подливать масло в огонь. — Возвратимся к вашей ссоре, — повторил он громким голосом, глядя на Огильви. — Надо признать, что в качестве гуляки этот Кричтон не имеет себе равных. Никто из нас и не подумает состязаться с ним в кутежах, хотя многие готовы

¹ Сид (наст. имя Родриго Диас де Бивар; ок. 1043—1099) — испанский рыцарь, активный участник войн с маврами, герой испанской народной поэзии. Ему посвящены знаменитая «Песнь о Сиде» и множество романсов (сохранилось более 200).

похвастаться, что умеют выпить. Брат Жан со жрицей Бахуса в придачу был жалким пьянчужкой по сравнению с Кричтоном.

— Он поклоняется не жрице Бахуса, а другим богиням, если не ошибаюсь, — добавил студент коллежа Монтегю, поняв, куда клонит его товарищ.

— Потому-то мы и дали такой ответ на его дерзость, — заметил студент Сорбонны. — Вы, наверное, помните, что под его наглым вызовом нашему ученому сословию, который он выставил в стенах университета, было написано, что тот, кто хочет видеть это чудо учености, может поискать его или в кабаке, или в борделе. Верно, идалго?

— Я сам видел его в таверне «Сокол» и в домах увеселений, понятно?

— Ха-ха-ха! — засмеялись студенты. — Эй, де Бальфур, видно, твой Кричтон далеко не стоик, а последователь Эпикура. Неудивительно, чего еще ждать от шотландца? Ха-ха-ха!

— Поговаривают, будто он водится с дьяволом, — с таинственным видом сообщил студент д'Аркура, — и подобно Жанне д'Арк продал за временные блага свою душу. Оттого-то он так изумительно учен, так необыкновенно красив и ловок, так обольстителен с женщинами и так удачлив в игре в кости. По этой же причине он неуязвим в битвах.

— Я слышал, что он имеет приближенного духа, который везде за ним следует под видом черной собаки, — добавил студент коллежа Монтегю.

— Или под видом карлика, как черный бесенок Козимо Руджери, — сказал студент д'Аркура. — Это правда? — обратился он к шотландцу.

— Кто мелет такую чушь, тот лжец и недоумок! — крикнул в запальчивости Огильви. — Я вызываю вас на битву — всех вместе и каждого порознь, и ни один собрат из коллежа, к которому я принадлежу, не откажется поддерживать меня.

Громкий хохот раздался в ответ на слова Огильви. Пристыженный тем, что своей бесполезной и глупой вспыльчивостью навлек на себя справедливые насмешки, шотландец замолчал и прекратил реагировать на поддразнивания.

Глава 2 Джелозо

Бросая гневные взгляды на своих обидчиков, Огильви нечаянно встретился с черными огненными глазами молодого человека, стоявшего в некотором отдалении, но слышавшего спор студентов. Казалось, он живо интересовался предметом ссоры и, видимо, искренне сочувствовал де Бальфуру. В его лице было что-то такое, что сразу привлекло внимание Огильви, несмотря на нервное возбуждение, в котором он находился. Некоторое время он не мог отвести глаз от этого юноши, а когда перестал смотреть, то только для того, чтобы подумать о его необыкновенной привлекательности.

Действительно, этот юноша заслуживал внимания. Черты его лица своей нежностью и совершенством резко контрастировали с грубыми, пошлыми физиономиями окружающих. Безукоризненной правильностью лица он напоминал древнегреческую богиню цветущей юности Гебу — со своим изящно очерченным подбородком и еще не покрытыми пушком возмужалости губами, выражавшими спокойную приветливость и пылкую страстность. Однако теперь его уста были сжаты, а тонкие ноздри трепетали от гнева.

По наружности юноше можно было дать не более шестнадцати лет; гибкость его тонких, почти женственных, хотя и вполне соразмерных рук доказывала его раннюю

молодость, лишь огненные глаза, светившиеся умом, выражали решимость и отчаянное не по годам мужество. Пряди волос, черных как смоль, оттеняли его лицо, оливковый цвет которого выдавал в молодом человеке уроженца юга. Одежда его, не имевшая, впрочем, в себе ничего особенного, не походила ни на костюм студента университета, ни на костюмы обычных парижан. Маленькая шапочка из черного генуэзского бархата была надета набекрень, плащ из той же материи, но более широкого покроя, чем по моде того времени, застегивался золотой цепочкой и был задрапирован с намерением по возможности скрыть стройность стана и придать больше мужественности узким плечам.

— Я возбудил ваше любопытство, молодой человек? — спросил Огильви, видя, что тот не сводит с него глаз, и делая несколько шагов ему навстречу. — Могу ли я вас спросить, к какому учебному заведению вы принадлежите?

— Я не принадлежу ни к одной из ваших школ, — отвечал юноша, слегка отодвигаясь по мере приближения шотландца. — Я иностранец, привлеченный желанием узнать исход диспута, которым интересуется весь Париж. Я необдуманно затесался в толпу, из которой охотно бы вышел, будь такая возможность. Увы, ее нет, и я вынужден теперь ожидать конца, который, как я надеюсь, — добавил он нерешительно и слегка краснея, — ознаменуется торжеством вашего несравненного соотечественника. Признаюсь, я не менее вас надеюсь на его успех.

В голосе незнакомца слышалась гармония, приятно отзывавшаяся в сердце Гаспара Огильви.

«Клянусь спасением своей души, — подумал он, — если бы эти слова не были произнесены этим милым мальчиком, я решил бы, что слышу голос своей миленькой Марион Крахам, когда она обыкновенно ворковала в давно минувшие летние ночи в стране, такой далекой отсюда. И если бы эти глаза не были так пронзительны и чер-

ны, я счел бы, что это взгляд Марион. Клянусь святым Эндрю, сходство потрясающее! Хотелось бы узнать, не земляк ли мне этот юноша и почему он так горячо подерживает Кричтона».

— Эй, молодой человек, — продолжал он вслух, — не шотландец ли вы, паче чаяния?

В ответ на этот вопрос юноша с трудом скрыл улыбку, но отрицательно покачал головой. Улыбка, приоткрывшая его губы, продемонстрировала ряд блестящих, как жемчуг, зубов.

«Рот у него совершенно такой же, как у Марион», — опять подумал Огильви.

— Шотландец? Еще чего! — вскричал рядом с ним студент Сорбонны. — Разве есть что-то хорошее в этой проклятой стране? Я отлично знаю того молодого человека из Венеции. Это один из джелозо, участник итальянской труппы, которая получила разрешение от короля на представление своих комедий в Бурбонском дворце. Мне показались знакомыми его лицо и манеры, голос же совершенно убедил меня, что я не ошибаюсь. Он поет арии в комедиях, и, честное слово, очень недурно. Дамы от него без ума. А! Мне пришла в голову идея: у нас еще в запасе пара минут, отчего бы не скоротать их, слушая песенку? Что вы на это скажете, приятель? Неужели мы упустим такой случай? Песню! Просим, просим!

— Bravo! Bravo! — завопили студенты, хлопая в ладоши. — Ничего не может быть лучше! Песню! Требуем песню!

Все мигом окружили молодого венецианца. Между тем Огильви, столько же возмущенный оборотом этого дела, как и обидой, которая, по его мнению, была нанесена иностранцу, поскольку относительно благопристойности театральных представлений шотландец разделял предрассудки своего отечества и к профессии актера питал полнейшее презрение, доходившее почти до отвращения, обратился к молодому человеку со словами:

— Неужто это не клевета? Скажи, что он врет, скажи, что ты не актер, не наемный шут, и, клянусь святым Эндрю, твой обидчик получит от меня затрецину за свою гнусную ложь!

— Заткнись! — рявкнул студент коллежа Монтегю. — Бейте дерзкого шотландца, если он вздумает еще раз помешать нам!

— Дайте ему ответить, и я замолчу, — решительно возразил Огильви. — Еще раз, иностранец, ошибся я на твой счет или нет?

— Вы ошибаетесь, если принимаете меня за кого-либо другого, — отвечал молодой человек, вскинув голову. — Я из Венеции, я один из джелозо.

— Слышал?! — закричал довольный студент Сорбонны. — Джелозо не отпирается. А теперь, не медля более, спой нам песню.

— Я не отрекаюсь от своего звания, — спокойно заметил венецианец, — но петь по вашему приказанию не буду.

— Ну, это мы еще увидим, — задиристо проговорил сорбоннец. — На наших дворах есть насосы, вода из которых обладает свойством вдохновлять, подобно водам Геликона¹. Да-да, она наделена чудесной силой.

— Черт возьми! Давайте притащим туда этого упрянца! — закричал Каравайя. — Клянусь, друзья, к нему моментально возвратится голос, если только наш певец не захочет схватить простуду под холодным фонтаном.

Произнося эти слова, испанец грубо опустил руку на плечо молодого венецианца. Тот сделал шаг назад, быстрее мысли выхватил из-под плаща стилет и приставил его к горлу Каравайи. Черные глаза юноши метали молнии.

— Убери руку! — потребовал он. — Не то, клянусь святым Марком, я убью тебя!

¹ *Геликон* — лесистая гора в Беотии, посвященная Аполлону и музам. Здесь находились источники, обладавшие, по мнению древних греков, свойством возбуждать поэтический дар.

При виде такого гнева Каравайя счел благоразумным отступить, что он и сделал с жестом, выражавшим сожаление, и с обычным своим хвастливым восклицанием.

— Брависсимо! — громко раздалось среди студентов. — Великолепная сцена, она произвела бы фурор в Бурбонском дворце.

— Клянусь Богом, — засмеялся от души англичанин Блунт. — На долю испанца выпала плохая роль.

— Прошу вас, сеньоры, — сказал не обращавший внимания на насмешки джелозо, снимая шляпу, которая скрывала его густые черные кудри, — пропустите меня без дальнейших неприятностей. Я не могу исполнить вашу просьбу и не понимаю, какое право вы имеете требовать от меня петь. Хотя я и актер, но у меня есть друзья, и если...

— Смотрите-ка, он нам угрожает! — закричал студент Сорбонны. — Но мы не привыкли отступать. Спойте нам песенку, сеньор джелозо, а потом, коли пожелаете, катитесь на все четыре стороны!

— Никогда! — заявил венецианец. — И советую вам не доводить меня до крайности.

— Если никто не готов заступиться за молодого человека, — сказал англичанин, — то это сделаю я. Мне все равно, кто он, джелозо или диболозо. Да хоть диаволо! Если все против него, то я за! Сильные всегда были на стороне слабых. Ну! Господин шотландец, эта ссора и тебя касается. Вынимай шпагу, приятель, и защити бедного юношу, а то у него такой вид, будто он сроду не видал шпажного удара.

Раздавшийся звон серебряных бубенчиков очень кстати прервал уличную ссору. Какой-то маленький человек, производивший эти звуки, старался пробраться в толпу. На нем был необычный костюм, сшитый из тканей разных цветов: белого, красного и голубого, — причем такого странного фасона и до того испещренный горизонтальными и вертикальными полосками, что производил самое фантастическое впечатление. Его жакет преуморительно

оттопыривался на боках, обнаруживая худобу его коротеньких, очень некрасивых ног в чулках амарантового цвета. На плечи коротышки был накинут кафтан с огромными рукавами. На спине и рукавах кафтана красовался вышитый золотыми нитками государственный герб. На шее болталась цепь из медальонов с девизами, посвященными глупости, — подарок «милейшего Анрио», как он по-братски называл своего царственного друга. Высокая коническая шляпа коротышки, заменившая древний рыцарский шлем, имела три острых угла наподобие треуголки, которую носила вся дворцовая прислуга. В руках человек держал знак своей должности, а именно «погремушку» — толстую ореховую палку, украшенную серебряным, отличной чеканки набалдашником в виде головы дурака. Огромный карман, набитый конфетами, которые шут чрезвычайно любил, висел у пояса вместе с большой деревянной шпагой. Все тотчас узнали в этом странном существе Шико, королевского шута.

— С вашего позволения, господа! — кричал он, проталкиваясь вперед и нанося удары «погремушкой» тем, кто загоразживал ему дорогу. — Зачем вы меня останавливаете? Безумие во все времена было в ходу в Парижском университете. Тем более что здесь требуется вся моя мудрость! Они собираются искупать человека в холодной воде, чтобы тот запел! Вот выходка, достойная величайшего шута Франции. Я бы лишился своего звания, если бы не присутствовал при этом. Говорю вам, будьте внимательны! Уступите место аббату глупцов, хоть он и не восседает на осле, как в праздник Избиения младенцев.

Остановившись в точности напротив джелозо и ответив ему самый дружеский поклон, Шико вытащил свою деревянную шпагу и с ужимками и гримасами принялся потрясать ею перед студентами.

— Этот молодой человек, мой молочный брат, — начал он, — абсолютно прав, отказывая вам. Да-да, не смейтесь. Он участвует в сегодняшнем вечернем спектакле и рань-

ше этого не должен выставлять себя напоказ. Наш брат Генрих не желает, чтобы он расточал свои услуги направо и налево. Если вам нужна музыка, пойдите к дверям Лувра; оркестр швейцарской гвардии славится быстротой и живостью такта.

— Не раздражайте их, добрый сеньор, — прошептал джелозо. — Лучше я соглашусь исполнить их требование, как оно ни безрассудно, чем своим отказом подвергну опасности чужую жизнь. Сеньоры, — продолжал он, обращаясь к докучавшим ему студентам, — я спою вам, но с условием, что тотчас же удалюсь, как только закончу.

— Ладно, валяй, принимаем! — закричали студенты, размахивая шляпами.

В одну минуту шум утих. Плотный круг образовался около венецианца, когда он запел своим мелодичным голосом, хотя и с оттенком насмешки, мадригал в честь прекрасного шотландца Кричтона.

— Довольно! — воскликнул студент Сорбонны по окончании второго куплета. — Мы хотим другую песню, спой нам свою любимую арию Мадлены или песенку Флоринды, а иначе, любезный, ты не тронешься с места.

— Ба! — сказал Шико. — Вы плохие ценители. Песня прелестная, и я голосую за исполнение на «бис». Вам бы только слушать шутовские куплеты труппы Клюни с улицы Матюрен! Кстати, как вам нравится песенка «Фарс глухих софистов» из их последней пьесы?

— Черт возьми! Что за насмешки! — закричал один из студентов с огромным бумажным воротником. — Неужели вы позволите сбить себя с толку этой сороке, ускользнувшей из клетки и прилетевшей сюда, чтобы вдоволь наболтаться?

— Хорошо еще, — возразил Шико, — что я не нарядился в павлиньи перья: как ни распускай хвост, а ворона всегда видна. Сколько ни подражай осел реву льва, он все же останется ослом. Хоть я и шут, но не подобие шута; я — обезьяна, а не тень обезьяны. Мне передали ваш клич

«По шее узнается теленок!», ну так вот: если бы вас вздумали оценивать согласно этому правилу, то между вами не нашлось бы ни одного, годного на убой.

— Тысяча чертей! — заревел взбешенный студент, замахиваясь на Шико. — Даже если бы вы пользовались в десять раз большей милостью в качестве шута, то все равно пожалели бы о своей дерзости!

— Назад! — воскликнул Симон Блунт, отбивая своей палкой удар, предназначенный шуту. — Разбитая окровавленная голова не подходит к этому веселому костюму. А ты, приятель, побереги свои удары для другого, кто способен отплатить тебе тем же. Разве ты не видишь, что у Шико деревянная шпага?

— Так пусть придержит свой язык, — продолжал кипиться студент с воротником.

— Ха-ха-ха! — смеялся Шико во все горло. — Не оставляйте его. Я хочу биться с ним не на жизнь, а на смерть. Ставлю свою «погремушку» против его жабо, что убью его с первого удара.

— Из-за вас, задиры, мы упустили нашего певца, — спохватился студент Сорбонны. — Куда он девался?

— Сбежал, негодяй! — воскликнул Каравайя. — Я его, труса, нигде не вижу.

«Я тоже не заметил, как он ушел, — подумал Огильви, — но он правильно сделал. Я, пожалуй, не смог бы отказать ему в помощи, хотя возмутительна сама мысль — быть замешанным в ссору комедианта, в особенности итальянского. Странно только, что его лицо постоянно мелькает у меня перед глазами, но я выброшу из головы эти глупые предрассудки».

Однако против своего желания Гаспар Огильви не мог отвести взгляда от задних рядов студентов, отыскивая среди них беглеца. Но он напрасно старался. Во время скандала, спровоцированного словами Шико, и, вероятно, с его помощью либо при содействии англичанина венецианец успел незаметно скрыться.

— Не спрятал ли его мэтр Шико в свой карман? Он достаточно велик для этого! — выкрикнул студент Сорбонны.

— Или в рукава кафтана, — с хохотом подхватил бернардинец.

— Не проглотил ли он его, как Гаргантюа странника? — добавил со смехом Каравайя.

— Как ты проглотил бы стакан хересу, если бы тебе его налили, а при случае и свои собственные слова, сеньор кабальеро! — засмеялся шут.

— Сеньор дьявол! — заревел испанец, обнажая шпагу. — Я раскрою тебя на столько же кусков, сколько их в твоём кафтане!

— А я тебя — на столько частей, сколько зазубрин на твоей шпаге, самым тобой сделанных, — возразил Шико со злобной гримасой, — или богохульств на твоём языке, или украденных монет в твоём кошельке, или рубцов на спине, ха-ха-ха! Разруби меня хоть на сто кусков, и все же их не наберётся столько, сколько за тобой бесчисленных грешков.

— Черт побери! Пустите меня, я проучу этого нахала! — орал Каравайя, взбешенный словно раздражаемый матадором бык, потрясая шпагой, топая ногами и вырываясь из рук еле удерживавших его студентов.

Но ничто не могло унять безумной веселости шута, со смехом наблюдавшего за безуспешными усилиями испанца добраться до него. Не выказывая ни малейшего страха, Шико оставался на месте так же беззаботно, как будто ему не угрожала никакая опасность. Он продолжал едко насмеяться и, вероятно, заплатил бы за свою наглость, если бы новое происшествие не дало делу более благоприятного оборота и не привлекло всеобщего внимания.

Двери Наваррского коллежа вдруг отворились, и продолжительный взрыв аплодисментов внутри возвестил об окончании диспута. Не оставалось никакого сомнения, что исход был удачен для Кричтона, имя которого

смешивалось с рукоплесканиями, раздававшимися повсюду. Возбужденная в высшей степени толпа пришла в движение. Огильви не мог долее сдерживаться. Пробившись вперед с невероятными усилиями, он занял место у самого входа. Первый, кто бросился ему в глаза, — человек высокого роста в блестящей стальной кирасе, опоясанный шелковым шарфом; на боку у мужчины висела длинная шпага с великолепным эфесом, на плече он держал копье около шести футов в длину.

— Кричтон победил? — спросил Огильви капитана гвардии Ларшана, так как это был именно он.

— Он вызвал всеобщее удивление, — отвечал капитан, которого против обыкновения ничуть не возмущало обращение к нему постороннего человека, — и ректор воздал ему все почести, которые только может воздать университет.

— Ура старой Шотландии! — крикнул Огильви, подбрасывая вверх свою шляпу. — Я верил в наш успех. Этот день навсегда останется в моей памяти.

— Да, у тебя будет причина не забывать его, — проворчал Каравайя, стоявший напротив де Бальфура и слышавший его восклицание. — А может, и у него тоже, — хмуро добавил он, закутываясь в плащ.

— Если благородный Кричтон — ваш соотечественник, то вы имеете полное право гордиться им, — продолжал капитан Ларшан. — Слава его сегодняшних достижений не умрет, пока в мире уважают ученость. Никогда прежде никто не видел в этом коллеже таких изумительных, всеобъемлющих познаний. Клянусь Богом, я просто ошеломлен, да и не я один, а все присутствующие. Достаточно сказать, что профессора в ознаменование беспримерной учености Кричтона и его ярких внешних данных поднесли ему по окончании диспута поздравительный адрес, где почтили эпитетом «*несравненный*». Ваш земляк, несомненно, заслуживает, чтобы это звание сохранилось за ним и впоследствии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заговор королевы

Пер. с англ. Н. Либермана 5

Книга первая 5

Глава 1. Студенты 5

Глава 2. Джелозо 23

Глава 3. Ректор 33

Глава 4. Английский бульдог 52

Глава 5. Козимо Руджери 61

Глава 6. Маска 67

Книга вторая 81

Глава 7. Королевский двор 81

Глава 8. Эклармонда 99

Глава 9. Генрих III 113

Глава 10. Екатерина Медичи 121

Глава 11. Маргарита Валуа 135

Глава 12. Молельня 144

Глава 13. Безоар 162

Глава 14. Шут 177

Глава 15. Сарбакан 183

Глава 16. В резиденции королевы 197

Глава 17. Лаборатория 207

Глава 18. Заклинание 218

Глава 19. Две маски 242

Глава 20. Колонна Екатерины Медичи 256

Книга третья 267

Глава 21. Нис bibitur 267

Глава 22. Гугенот	285
Глава 23. Процессия	293
Глава 24. Поединок	299
Глава 25. В павильоне	310
Глава 26. Беарнец	326
Глава 27. Берберийская лошадь	340
Глава 28. Англичанин	345
Глава 29. Два Генриха	354
Глава 30. Молитвенник	370
Глава 31. Бык	387
Глава 32. Награда	401
Глава 33. Тюрьма	427
Глава 34. Разоблачение	436

Літературно-художнє видання

Серія «Жіночі долі»

ЕЙНСВОРТ Вільям

Змова королеви

(російською мовою)

Роман

Укладач серії *О. А. Дидикіна*

Головний редактор *С. І. Мозгова*

Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Редактор *О. А. Дидикіна*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 30.04.2020. Формат 84x108/32.

Друк офсетний. Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 23,52.

Наклад 3500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»

Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua

61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

Серия «Женские судьбы»

ЭЙНСВОРТ Уильям

Заговор королевы

Роман

Составитель серии *О. А. Дыдыкина*

Главный редактор *С. И. Мозговая*

Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *О. А. Дыдыкина*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *О. А. Степанова*

Подписано в печать 30.04.2020. Формат 84x108/32.

Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 3500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»

Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua

61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Владна й розумна Катерина Медічі та її вірний слуга, флорентійський астролог Козімо Руджері, плетуть небезпечні інтриги. На кону — право влади, за яке Медічі готова заплатити скільки завгодно. Але ідеальний план захоплення корони опиняється під загрозою зриву — усе через відчайдушного дворянина Кричтона. Він посмів стати на шляху у самої Катерини Медічі. Тепер при дворі французького короля Генриха III на нього чекають поєдинки, інтриги, змови, спроби отруєнь, таємниці, бої, бали і, звісно, кохання, якому ніхто не здатен завадити...

Эйнсворт У.

Э34 Заговор королевы : роман / Уильям Эйнсворт ; сост. серии О. А. Дыдыкина ; пер. с англ. Н. Либермана. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 448 с. — (Серия «Женские судьбы»), ISBN 978-617-12-7950-6)

ISBN 978-617-12-7927-8

Властная и умная Екатерина Медичи и ее верный слуга, флорентийский астролог Козимо Руджері, плетут опасные интриги. На кону — право власти, за которое Медичи готова заплатить сколько угодно. Но идеальный план захвата короны оказывается под угрозой срыва — все из-за отчаянного дворянина Кричтона. Он посмел встать на пути у самой Екатерины Медичи. Теперь при дворе французского короля Генриха III его ждут поединки, интриги, заговоры, попытки отравлений, тайны, сражения, балы и, конечно же, любовь, которой никто не в силах препятствовать...

УДК 821.111